

ПРИМЕНЕНИЕ ОТРАСЛЕВЫХ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА ДЛЯ СИСТЕМНОГО ТОЛКОВАНИЯ НОРМ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ СОГЛАШЕНИЙ

АБАТУРОВА В. А.

Абатурова Варвара Александровна — атташе,
Правовой департамент МИД России, Москва, Россия
(vaabaturova@mid.ru). ORCID: 0009-0001-5575-4315.

Аннотация

В последнее время отмечается динамический рост числа заключаемых международных договоров, регулирующих взаимосвязанные международные экологические и экономические отношения. Так, практика Международного Суда, Органа по разрешению споров ВТО, Международного трибунала по морскому праву показывает, что дела, касающиеся экологических вопросов, тем или иным образом связаны с международными экономическими отношениями. Этот факт подтверждает взаимосвязанность экономических и экологических государственных интересов. Значит, разрешение споров без учета этих групп интересов становится невозможным. Стоит отметить, что именно системное толкование можно рассматривать как один из юридических механизмов приведения в действие концепции устойчивого развития. Исходя из идейного содержания системной интеграции, в настоящей статье на основе доктринальных исследований и практики международных судебных учреждений проанализирована эффективность использования четырех отраслевых принципов международного экологического права в рамках системного толкования в пяти межгосударственных разбирательствах. Поскольку, несмотря на свой отраслевой характер, эти экологические принципы приобрели характер международного обычая, они являются нормой по смыслу пункта 3(с) статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, которая, в свою очередь, может быть применима к толкованию международных договоров, регламентирующих межгосударственные экономические отношения.

Ключевые слова

системное толкование, международные экологические договоры, международные экономические договоры, отраслевые принципы международного экологического права, международный обычай

Для цитирования: Абатурова В. А. Применение отраслевых принципов международного экологического права для системного толкования норм экономических и экологических соглашений // Журнал ВШЭ по международному праву (HSE University Journal of International Law). 2024. Т. 2. № 1. С. 38–57.

<https://doi.org/10.17323/jil.2024.21445>

Введение

В настоящее время отмечают три взаимосвязанные тенденции: рост количества заключаемых международных договоров, одновременно регулирующих международные отношения по экологическим и экономическим вопросам¹; интенсификация воздействия международных экономических отношений на окружающую среду; усиление роли комплексного подхода к регулированию международных отношений.

В совокупности выделенные тренды непосредственно влияют на реализацию концепции устойчивого развития, в основание которой заложен комплексный подход, подтверждающий наличие прямой связи между этой концепцией и принципом системной интеграции. Традиционно концепция устойчивого развития определяется тремя составляющими: экономической, социальной и экологической. В научных исследованиях российских авторов за последние двадцать лет

¹ Например, Cartagena Protocol on Biosafety to the Convention on Biological Diversity, 2000; Convention Establishing the Sustainable Tourism Zone of the Caribbean, 2001; ASEAN Agreement on Transboundary Haze Pollution, 2002; African Convention on the Conservation of Nature and Natural Resources, 2003; Agreement between the Government of Australia and the Government of the Republic of Korea on the Protection of Migratory Birds, 2006; Fisheries Partnership Agreement between the European Community and the Republic of Cape Verde, 2006; Multilateral Agreement between the States of South-Eastern Europe for the Application of the Convention on Environmental Impact Assessment in a Transboundary Context, 2008; Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Lithuanian Republic about cooperation in pollution abatement of the Baltic Sea by oil and other harmful substances, 2009; Agreement on Cooperation on Marine Oil Pollution, Preparedness and Response in the Arctic, 2013; Benguela Current Convention, 2013; Paris Agreement under the United Nations Framework Convention on Climate Change, 2015; Agreement under the United Nations Convention on the Law of the Sea on the conservation and sustainable use of marine biological diversity of areas beyond national jurisdiction, 2023.

дополнительно стала выделяться духовная составляющая устойчивого развития². Все составляющие взаимно дополняют друг друга. В частности, основой экономического развития выступают природные ресурсы и окружающая среда в целом. Это, в свою очередь, обуславливает интеграцию экологических и экономических интересов государств, из чего следует, что недолжное регулирование вопросов охраны окружающей среды и экологической безопасности имеет серьезные экономические последствия, выражающиеся не только в экономической стагнации, но и в экономическом кризисе³.

Принцип системной интеграции, лежащий в основе концепции устойчивого развития, имеет юридическую основу. Так, возможность использования системного толкования международных договоров вытекает из пункта 3(с) статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года (далее — ВКПМД, Конвенция), который также носит характер международного обычая⁴. В этом пункте указано, что наряду с контекстом при толковании договора учитываются «любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками». При этом Комиссия международного права ООН (далее — КМП) определила, что в пункте 3(с) статьи 31 ВКПМД «предусматривается средство... с помощью которого могут устанавливаться связи толкования... Эта статья отражает цель “системной интеграции”, в соответствии с которой, независимо от вопросов, которым они посвящены, договоры являются порождением международно-правовой системы, и их действие предопределяется именно этим фактом»⁵. КМП также отдельно отметила, что «международное обычное право... непосредственно применимо к толкованию договора в соответствии с пунктом 3(с) статьи 31 [ВКПМД]»⁶.

В 2012 году Ассоциация международного права указала на принцип системной интеграции и подтвердила, что экологическое нормативное правовое регулирование и нормы, касающиеся вопросов развития, выступают не как альтернативы, а как взаимодополняющие концепции⁷.

Ввиду вышесказанного целями настоящей статьи являются, во-первых, описание тех отраслевых принципов международного экологического права, которые стали международным обычаем, а значит, уже могли прямо или косвенно использоваться международными судебными учреждениями при разрешении споров в процессе системного толкования норм международных договоров, регулирующих отношения по экологическим и экономическим вопросам, и, во-вторых, анализ эффективности применения данного толкования и связанные с этим проблемы.

Для достижения поставленных целей во второй части статьи особенности системного толкования раскрываются с исторической и правовой точек зрения. Отдельно анализируется смысл выражения «нормы международного права», используемого в пункте 3(с) статьи 31 ВКПМД. Третья часть посвящается описанию четырех отраслевых принципов международного экологического права с целью прослеживания кристаллизации каждого из них в качестве международного обычая. В ней также дается оценка эффективности прямого или косвенного применения данных принципов в процессе системного толкования норм международного экономического и международного экологического права на примере вынесенных международными судебными учреждениями решений по пяти делам.

1. Особенности системного толкования норм международного права

Толкование — выяснение действительного смысла и содержания договоров⁸. Однако это не только упражнение в использовании «языка» договора и применении его к фактам, но и процесс, который воплощает в себе «диалектическую связь между самим текстом и юридической системой, которая дает ему жизнь»⁹.

² Бринчук М. М. *Концепция устойчивого развития как методологическая основа цивилизационного развития* // Государство и право. 2014. № 10. С. 15–24; Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С., Рейф И. Е. *Перед главным вызовом цивилизации. Взгляд из России*. М., 2005.

³ Боклан Д. С. *Указ. соч.* С. 91.

⁴ ICJ. *Kasikili/Sedudu Island* (Botswana/Namibia). Judgment of 13 December 1999. §18.

⁵ Комиссия международного права. *Указ. соч.* С. 218.

⁶ Там же. С. 219.

⁷ *International Law Association, International Law on Sustainable Development. Final report. Sophia Conference*. 2012. P. 36–35. URL: https://www.ila-hq.org/en_GB/documents/conference-report-sofia-2012-6 (дата обращения: 28.12.2023).

⁸ *Международное право в 2 ч. Часть 1: учебник для вузов* / Вылегжанин А. Н. [и др.] ; ответственный редактор А. Н. Вылегжанин. М.: Издательство Юрайт, 2023. С. 234–235.

⁹ McLachlan C. *The Principle of Systemic Integration and Article 31(3)(C) of the Vienna Convention* // The International and Comparative Law Quarterly. 2005. Vol. 54. № 2. P. 287. URL: <http://www.jstor.org/stable/3663251> (дата обращения: 28.12.2023).

Международно-правовое регулирование этого процесса определяет ВКПМД. В разделе 3 данного международного договора закреплено общее правило толкования (статья 31), дополнительные средства толкования (статья 32) и правила толкования договоров, аутентичность текста которых была установлена на двух или нескольких языках (статья 33). Указанные статьи ВКПМД представляют собой кодификацию международного обычного права, что было неоднократно отмечено Международным Судом (далее — Суд), например, в решении по территориальному спору между Великой Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирией и Республикой Чад¹⁰.

1.1. Содержание системного толкования

С исторической точки зрения толкование международного договора в контексте всей системы международного права было отмечено КМП еще на стадии проекта статей ВКПМД, подготовленного под руководством четвертого специального докладчика по праву международных договоров Х. Уолдлока в 1964 году¹¹. В пункте 1(b) статьи 70 данного документа было указано: «термины договора должны толковаться добросовестно в соответствии с естественным и обычным значением, которое следует придавать каждому термину... [и] в контексте норм международного права, действующих во время заключения договора»¹². Таким образом, можно сделать вывод, что изначально в основу системного толкования были заложены два принципа.

Во-первых, принцип системной интеграции. Он подвергся частичной критике со стороны Г. И. Тункина (члена КМП в 1957–1966 годы) и группы его единомышленников, предложивших заменить термин «нормы» на «принципы», тем самым сузив перечень источников международного права, к которым можно обращаться в процессе толкования. Еще в 1951 году схожую позицию занимал Г. Фицморис, отмечавший, что смысл положений того или иного международного документа должен определяться исходя из конкретного рассматриваемого международного договора, в котором они были закреплены, и из непосредственно связанных с ним соглашений¹³. Однако такой подход значительно снизил бы эффективность системного толкования, сводя на нет возможность обращения к положениям других международных договоров. Данное предложение не нашло поддержки у большинства членов КМП. Более того, далее уже в практике Суда в деле о континентальном шельфе Северного моря 1969 года было установлено, что «общее или обычное право в силу самого своего характера должны быть одинаково действительными для всех членов международного сообщества, и поэтому не дают ни одному из них права исключать себя из сферы их действия в одностороннем порядке»¹⁴.

Во-вторых, изначальная формулировка пункта 1(b) статьи 70 проекта ВКПМД, предложенная специальным докладчиком Х. Уолдлоком, закрепляла принцип интертемпоральности. Так, статья 56 проекта раскрывала этот принцип, фиксируя так называемый «синтетический» подход¹⁵. Он базировался на двух столпах. С одной стороны, толкование международного акта должно было осуществляться посредством действующих на момент его разработки правовых норм (пункт 1 статьи 56). С другой стороны, его применение регламентировалось правом, действующим в момент непосредственного толкования (пункт 2 статьи 56)¹⁶. В финальной версии ВКПМД Комиссия отказалась от принципа интертемпоральности, признав отсутствие практической значимости в формировании единого подхода, который бы строго базировался либо на статическом, либо на эволюционном толковании. В целом описанное выше отношение КМП к принципу интертемпоральности сохраняется и в настоящее время. Так, например, в разработанном КМП Проекте выводов о последующих соглашениях и о последующей практике в отношении толкования международных договоров 2018 года в комментарии к одному из выводов отмечается: «последующие

¹⁰ ICJ. *Case Concerning the Territorial Dispute (Libyan Arab Jamahiriya v. Chad)*. Judgment of 3 February 1994. §41.

¹¹ Waldock H. *Document A/CN.4/167 and Add.1-3: Third report on the law of treaties // Yearbook of the International Law Commission*. Vol. II. Documents of the sixteenth session including the report of the Commission to the General Assembly. 1964. P. 5. URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_1964_v2.pdf (дата обращения: 28.12.2023).

¹² *Ibid.* P. 52.

¹³ Fitzmaurice G. *The Law and Procedure of the International Court of Justice: Questions of Jurisdiction, Competence and Procedure*. Cambridge: Grotius Publications. 1951. P. 204.

¹⁴ ICJ. *North Sea Continental Shelf cases (Federal Republic of Germany v. Denmark; Federal Republic of Germany v. Netherlands)*. Judgment of 20 February 1969. §63.

¹⁵ *Отчет 58-ой сессии Комиссии международного права ООН. Глава XII. Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права. A/CN.4/L.682. 2006. §429–432*. URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2006/russian/chp12.pdf> (дата обращения: 28.12.2023).

¹⁶ Waldock H. *Op.cit.* P. 8–10.

соглашения и последующая практика, как и любые другие средства толкования международного договора, могут обосновывать как толкование в изначально заложенном и соответствующем на момент разработки данного акта смысле, так и эволюционное толкование... эти [последующие соглашения и последующая практика] средства толкования договора «могут способствовать определению того, уместно ли» эволюционное толкование в отношении конкретного термина, используемого в международном договоре»¹⁷. В ходе рассуждений КМП приходит к выводу, что перед толкователем встает вопрос: «можно ли предположить, что при заключении международного договора его стороны намеревались придать тому или иному термину значение, которое могло бы меняться в течение времени»¹⁸.

Возвращаясь в наше время, необходимо сказать, что содержание актуальной формулировки пункта 3(с) статьи 31 ВКПМД¹⁹ доктриной определяется как один из видов толкования — «системная интеграция» (англ.: *principle of systemic integration, systemic approach* или фр.: *principe d'intégration*) — основанный на раскрытии сущности международных прав и обязанностей через их нормативную среду, то есть, «систему». Системное толкование подразумевает, что даже если юрисдикция судебной структуры ограничена конкретным международным договором, это не является препятствием для использования в целях толкования всех источников международного права.

Отечественные авторы причисляют данный принцип к системному толкованию, наряду с другими приемами, такими как грамматический (словесный), логический, исторический, телеологический, и рассматривают его как «анализ нормы во взаимосвязи с иными нормами международного права»²⁰. Согласно И. И. Лукашуку, такое толкование представляет собой двухэтапный процесс. Во-первых, он включает в себя установление раздела акта, в котором находится норма, и определение ее в качестве общей или специальной. Во-вторых, выяснение места непосредственно самого международного договора в системе норм, регламентирующих международные отношения²¹. В зарубежной доктрине системное толкование рассматривается как инструмент, позволяющий придать современное толкование обычному значению термина.

В зарубежной доктрине смысл системного толкования раскрывается с отсылкой к принципу добросовестности (англ.: *principle of good faith*). Этот принцип предписывает сторонам международных договоров исполнять свои обязательства так, чтобы при этом соблюдались обязательства, закрепленные в иных соглашениях, действующих в отношении данных участников международных отношений. Вышесказанное подкрепляется практикой, в частности предварительным возражением в деле *о праве прохода через территорию Индии 1957 года*²². Дополнительно КМП пришла к выводу о том, что пункт 3(с) статьи 31 ВКПМД предписывает «интегрировать в процесс юридического обоснования — включая обоснование судами и трибуналами — согласованность и содержательность»²³.

Для того чтобы понимать практическое применение пункта 3(с) статьи 31 ВКПМД, необходимо «по частям» рассмотреть толкование его формулировки.

Во-первых, обратимся к понятию «любые... нормы... применимые в отношении участников». М. Е. Виллиджер объясняет смысл этого выражения так, что нормы международного права должны быть юридически обязательными в момент толкования для сторон. Противоположную позицию занимают О. Дерр и К. Шмаленбах, ссылаясь на обширную практику Межамериканской комиссии по правам человека и Европейского Суда по правам человека, которые неоднократно обращались к документам «мягкого» права, например, к Всеобщей декларации прав человека Генеральной Ассамблеи ООН (далее — ГА ООН), руководящим принципам и заключениям Верховного комиссара ООН по делам беженцев²⁴. М. Е. Виллиджер же указывает, что обязательность норм проявляется в том, что они должны быть закреплены в любом из возможных источников международного права, перечисленных в пункте 1 статьи 38 Статута Международного Суда (международный обычай,

¹⁷ *Draft conclusions on subsequent agreements and subsequent practice in relation to the interpretation of treaties, with commentaries.* § 4. P. 65. Yearbook of the International Law Commission. 2018. Vol. II. Part Two. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/1_11.shtml (дата обращения: 30.03.2024).

¹⁸ *Ibid.* § 9. P. 67.

¹⁹ «Наряду с контекстом учитываются... любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками».

²⁰ Вылегжанин А. Н. [и др.]. *Указ. соч.* С. 235.

²¹ Лукашук И. И. *Современное право международных договоров. Том 1.* М. : Издательство Волтерс Клувер, 2007. С. 482–484.

²² Dörr O., Schmalenbach K. *Vienna Convention on the Law of Treaties. A Commentary.* Berlin : Springer Nature. P. 604.

²³ Комиссия международного права. Глава XII. *Указ. соч.*

²⁴ Dörr O., Schmalenbach K. *Op.cit.* P. 608–609.

двусторонние или многосторонние соглашения, общие принципы права)²⁵. Ссылаясь на положения Устава ООН 1945 года, О. Дёрр и К. Шмаленбах расширяют этот перечень источников норм международного права резолюциями Совета Безопасности ООН.

Второй элемент правила состоит в том, что норма должна применяться «в отношениях между участниками». Возникает вопрос о том, требуется ли, чтобы все участники международного договора были связаны применяемыми «внешними» нормами международного права, или достаточно того, что эти нормы устанавливают права и обязательства только тех сторон толкуемого соглашения, которые, например, непосредственно вовлечены в спор по этому поводу²⁶. То есть намеренно ли не используется слово «все» в имеющейся формулировке анализируемого пункта? На практике Орган по разрешению споров ВТО (далее — ОРС ВТО) использовал ограничительный подход в деле *Европейский союз — Утверждение и маркетинг биотехнических товаров* 2006 года. Заключение третейской группы базируется на трех основных идеях. Во-первых, ссылаясь на статью 2(g) ВКПМД, группа истолковала используемое в Конвенции слово «участник» как «все государства — стороны конвенции», а не только государства, вовлеченные в спор, и утверждала, что «участник» означает государство, которое согласилось на обязательность для него договора и для которого договор находится в силе. Во-вторых, отмечалась необходимость обеспечивать согласованность, то есть предотвращение коллизии толкуемых норм с нормами, закрепленными в применяемых международных договорах, сторонами которых выступают эти же государства²⁷. В-третьих, третейская группа обратила внимание на неочевидный вопрос о том, будет ли государство применять для себя обязательное толкование положений договора в свете тех международных норм, которые закреплены в соглашениях, стороной которых оно не является²⁸. Исходя из вышеперечисленного, в рамках ОРС ВТО было установлено, что сторонами применяемых международных договоров в качестве средств толкования должны быть не только спорящие государства, но и иные стороны соглашения, положения которого толкуются таким системным подходом: в рассмотренном деле ими выступали все члены ВТО²⁹. В доктрине озвучиваются и иные точки зрения. Так, согласно трудам О. Дёрра и К. Шмаленбаха, можно допускать исключения. В частности, если толкуемое международно-правовое обязательство конфликтующих сторон, в том числе проистекающее из многостороннего соглашения, фактически имеет синаллагматический (двусторонний) характер и не действует *erga omnes partes*, значит, оно может толковаться в контексте международных норм, действующих только между этими двумя сторонами³⁰. В данном вопросе отдельного внимания заслуживает заключение КМП относительно обязательности следовать дальнейшей практике всех сторон толкуемого международного договора для цели толкования по пункту 3(b) статьи 31 ВКПМД. КМП отмечает, что молчание или бездействие можно квалифицировать как согласие с практикой, в процессе которой толкуется международный договор, однако такой подход является сложным и зависящим от обстоятельств каждого конкретного случая³¹.

Наконец, обратимся к категории «любые соответствующие нормы». Слово «соответствующие» в доктрине раскрывается как определение, указывающее, что нормы должны касаться существа рассматриваемого термина в международном договоре³².

Говоря о практической стороне вопроса, можно отметить, что международные судебные учреждения в целом неоднократно обращались к системному толкованию. Например, в деле о *нефтяных платформах* 2003 года при толковании пункта 1(d) статьи XX³³ Договора о дружбе, экономических отношениях и консульских правах между США и Ираном 1955 года Суд сослался на общее правило толкования, отраженное в пункте 3(c) статьи 31 ВКПМД, отклонив следующий пассаж:

²⁵ Villiger M. E. *Commentary on the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties*. Leiden : Martinus Nijhoff Publishers and VSP. 2009. P. 432–433.

²⁶ Dörr O., Schmalenbach K. *Op.cit.* P. 606, 610.

²⁷ WTO. *European Communities – Measures Affecting the Approval and Marketing of Biotech Products*. DS291. Report of the Panel of 29 September 2006. § 7.70.

²⁸ *Ibid.* § 7.71.

²⁹ *Ibid.* § 7.68.

³⁰ Dörr O., Schmalenbach K. *Op.cit.* P. 610–611.

³¹ *Draft conclusions on subsequent agreements and subsequent practice*. *Op.cit.* § 12, 18. P. 79–80.

³² Villiger M. E. *Op.cit.* P. 432–433.

³³ «Настоящий Договор не препятствует применению мер... необходимых для выполнения обязательств Высокой Договаривающейся Стороны по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности или необходимых для защиты ее существенных интересов безопасности».

пункт 1(d) статьи XX Договора 1955 года был задуман как действующий полностью независимо от соответствующих норм международного права, касающихся применения силы, с тем, чтобы на него можно было успешно сослаться... при подаче заявления о нарушении Договора в связи с незаконным применением силы. Таким образом, применение соответствующих норм международного права, относящихся к этому вопросу, является неотъемлемой частью задачи толкования³⁴.

Точно так же Суд, руководствуясь положениями ВКПМД, применял положения Соглашения о дружбе и сотрудничестве между Джибути и Францией 1977 года при толковании Конвенции о взаимной помощи по уголовным делам 1986 года³⁵ или же положения Конвенции по морскому праву 1982 года при толковании Меморандума о взаимопонимании между Сомали и Кенией 2009 года³⁶.

Таким образом, можно сделать вывод, что системное толкование выступает неотъемлемой частью всего процесса толкования, предусмотренного статьей 31 ВКПМД. Его целью является обеспечение развития системы международно-правовых отношений как единого целого посредством применения к раскрытию сущности международного договора норм международного права, распространяющих свое действие на стороны спора и актуальных с учетом предмета спора. С практической точки зрения системное толкование не ограничено обращением к принципу интертемпоральности, несмотря на то, что вопрос о нем поднимался в одном из первых проектов ВКПМД.

1.2. Обычай как «норма международного права», используемая в системном толковании

Согласно тексту пункта 3(с) статьи 31 ВКПМД толкование проводится с использованием «нормы международного права». В отечественной научной литературе «нормы» раскрываются как «правила поведения, которые признаются государствами и другими субъектами международного права как юридически обязательные, а значит, нарушение которых влечет за собой международно-правовую ответственность»³⁷. Такого же подхода придерживаются и за рубежом. Так, К. Маклахлан указывает, что под термином «нормы международного права» понимаются те положения международного права, которые были сформулированы в качестве нормы как таковой, берущей начало в источниках международного права³⁸. Аналогичного мнения придерживаются Ф. Дж. Лапорта, А. Пеценик и Ф. Шауэр³⁹. Непосредственно сами источники закреплены в статье 38 Статута Международного Суда.

С учетом цели настоящей работы обращает на себя внимание тот факт, что для системного толкования норм, касающихся международных экономических и экологических вопросов, значительную роль приобретают те отраслевые принципы международного экологического права, которые стали признанными международными обычаями. Таким образом, их применение стало обязательным и обращение к ним как к «нормам международного права», обозначенным в пункте 3(с) статьи 31 ВКПМД, является обоснованным. КМП специально указала на то, что «пункт 3(с) статьи 31 касается случая, когда при толковании учитываются материальные источники, не относящиеся к данному договору. Они могут включать в себя <...> обычные нормы»⁴⁰. Далее КМП подчеркнула, что стороны договора «обязаны обращаться к международному обычному праву <...> по всем вопросам, которые прямо не урегулированы в самом договоре»⁴¹.

Сформировавшийся международный обычай имеет две обязательные составляющие: «установившаяся, широко распространенная, последовательная (без отсутствия противоречий со стороны других государств) практика государств», выраженная в виде принимаемых нормативных правовых актов, судебной практики, дипломатических действий, публичных заявлений от имени руководства государства, принятых в рамках ООН международных документов и др., и «субъективный элемент (ее признание в качестве права), известный как *opinio juris sive necessitatis* (убежденность в правомерности и необходимости)»⁴², то есть «осознание, что такая общая практика соответствует

³⁴ ICJ. *Oil Platforms (Islamic Republic of Iran v. United States of America)*. Judgment of 6 November 2003. §41.

³⁵ ICJ. *Certain Questions of Mutual Assistance in Criminal Matters (Djibouti v. France)*. Judgment of 4 June 2008. §112–114.

³⁶ ICJ. *Maritime Delimitation in the Indian Ocean (Somalia v. Kenya)*. Judgment of 2 February 2017. §89.

³⁷ Вылегжанин А. Н. [и др.]. *Указ. соч.* С. 58–59.

³⁸ McLachlan C. *Op.cit.* P. 290.

³⁹ Laporta F. J., Peczenik A., Schauer F. *On the Interpretation of Treaties. The Modern International Law as Expressed in the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties. // Law and Philosophy Library. Vol. 83. Netherlands : Springer. 2007. P. 194.*

⁴⁰ Комиссия международного права. *Указ. соч.* С. 218.

⁴¹ Там же.

⁴² Вылегжанин А. Н., Каламкарян Р. А. *Значение международного обычая в современном международном праве // Московский журнал международного права. 2012. № 2. С. 5–29. URL: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2012-2-5-29> (дата обращения: 28.12.2023).*

праву», что и является отличительной чертой обычая от обыкновения (англ.: *usage*)⁴³. По мнению КМП, «международное обычное право применимо к толкованию международного договора в случаях когда: договорная норма является неясной или допускает разночтения; употребляемые в договоре термины имеют общепризнанное значение в международном обычном праве <...>, в договоре ничего не сказано о применимом праве, и толкователю для решения проблемы необходимо <...> обращаться к нормам, сформировавшимся в другой отрасли международного права»⁴⁴.

Таким образом, международный обычай, являясь нормой международного права в понимании статьи 38 Статута Международного Суда, представляет собой один из инструментов системного толкования.

2. Ретроспективный анализ применения принципов международного экологического права для системного толкования норм международного экономического права

2.1. Принципы международного экологического права, выкристаллизовавшиеся в международный обычай

С учетом ключевой темы настоящей статьи, а именно толкования в условиях возможной коллизии норм международных договоров по экономическим и экологическим вопросам, проанализированной доктрины⁴⁵ и отсутствия единого общепринятого подхода к классификации отраслевых принципов международного экологического права, для анализа были выбраны следующие из них:

- принцип суверенитета государств над своими природными ресурсами;
- принцип недопустимости нанесения трансграничного ущерба окружающей среде;
- превентивный принцип; и
- принцип природоохранного сотрудничества.

2.1.1. Принцип суверенитета государств над своими природными ресурсами

Принцип суверенного равенства государств закреплен в п. 1 ст. 2 Устава ООН⁴⁶. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами 1970 года (далее — Декларация о принципах международного права), раскрывает его субстантивное содержание. В соответствии с ней «суверенное равенство» субъектов международного права включает в том числе право «свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы». Производным от данного принципа является принцип суверенитета государств над своими природными ресурсами. Его формулировка указана в Принципе 2 Декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию 1992 года (далее — Декларация Рио-де-Жанейро).

Указанный принцип международного экологического права⁴⁷ неоднократно входил в повестку дня ГА ООН. С шестой сессии ГА ООН 1952 года было принято более чем 80 соответствующих резолюций⁴⁸. Первая касалась темы интегрированного экономического развития и торговых соглашений (A/RES/523 (VI))⁴⁹. Также важную роль сыграла резолюция ГА ООН 1962 года «Неотъемлемый суверенитет над естественными ресурсами». Согласно этому документу «право народов и наций на неотъемлемый суверенитет над их естественными богатствами и ресурсами должно осуществляться в интересах их национального развития и благосостояния населения соответствующих государств»⁵⁰.

К нормам международных договоров, закрепляющих этот принцип, относят пункт 3 статьи об исключительном суверенном праве государств над своими водно-болотными угодьями Конвенции о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение, главным образом в качестве

⁴³ Там же.

⁴⁴ Комиссия международного права. Указ.соч. С. 219.

⁴⁵ См. Боклан Д. С. Указ.соч. С. 59–86; Копылов М. Н., Копылов С. М. К вопросу о формировании каталога специальных принципов международного экологического права // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5, Юриспруд. 2014. № 4. С. 8–18; Вылегжанин А. Н. [и др.]. Указ.соч. С. 73; Sands P., Peel J., Fabra A. A., MacKenzie R. *Principles of International Environmental Law*. New York : Cambridge University Press, 2018. P. 246.

⁴⁶ Устав ООН, 1945. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 24.07.2023).

⁴⁷ Sands P. *Op. cit.* P. 236.

⁴⁸ Schrijver N. *Sovereignty over Natural Resources, Balancing Rights and Duties*. Cambridge : Cambridge University Press. 1997.

⁴⁹ Генеральная Ассамблея ООН. Интегрированное экономическое развитие и торговые соглашения. A/RES/523 (VI). 1952.

⁵⁰ Генеральная Ассамблея ООН. Неотъемлемый суверенитет над естественными ресурсами. A/RES/1803 (XVII). 1962.

местообитаний водоплавающих птиц 1971 года⁵¹ (вступила в силу в 1975 году, 172 стороны⁵²) (далее — Рамсарская конвенция); статью 4 Амазонского пакта о сотрудничестве 1978 года (вступил в силу в 1980 году, восемь сторон⁵³), закрепляющую, что «исключительное использование и освоение природных ресурсов в пределах их соответствующих территорий является правом, неотъемлемым от суверенитета каждого государства»⁵⁴; статью 193 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года (вступила в силу в 1994 году, 168 сторон⁵⁵), которая наделяет стороны «суверенным правом разрабатывать свои природные ресурсы», комплементарно ограниченным обязанностью по защите и сохранению морской среды⁵⁶; преамбулу Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением 1989 года (вступила в силу в 1992 году, 190 сторон⁵⁷); статью 3 Конвенции о биологическом разнообразии 1992 года (далее — КОБР) (вступила в силу в 1993 году, 196 сторон⁵⁸), в которой присутствует ссылка на Устав ООН 1945 года и принципы международного права, а также содержится формулировка о «суверенном праве разрабатывать собственные ресурсы»⁵⁹. Кроме того, данный принцип закреплен в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 года. В деле *о военных действиях на территории Конго* 2005 года Суд указал, что рассматриваемый принцип представляет собой международный обычай⁶⁰.

Таким образом, принцип суверенитета государств над своими природными ресурсами, являясь международным обычаем, может использоваться в качестве нормы международного права в целях системного толкования.

2.1.2. Принцип недопустимости нанесения трансграничного ущерба окружающей среде

Не являясь абсолютным, принцип суверенитета над природными ресурсами ограничивается корреспондирующим обязательством государств предотвращать трансграничный ущерб⁶¹. Оно выражено в отраслевом принципе недопустимости нанесения трансграничного ущерба окружающей среде, признанном международным обычаем. Помимо Принципа 14 Декларации Рио-де-Жанейро, он закреплен в статье I и статье VI Конвенции по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972 года (вступила в силу в 1975 году, 87 сторон⁶²); в статьях 193 и 194 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года; в статье 2 Венской конвенции об охране озонового слоя 1985 года (вступила в силу в 1988 году, 198 сторон⁶³); в статье 20 Соглашения АСЕАН о сохранении природы и природных ресурсов 1985 года (не вступила в силу, 6 сторон⁶⁴), при этом в ней принцип приравнивается к основным принципам международного права⁶⁵.

В судебной практике ключевым является арбитражное решение по делу *Трейл Сметтер (США против Канады)* 1935 года⁶⁶. А. М. Солнцев разделяет позицию профессора А. С. Тимошенко,

⁵¹ Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение, главным образом, в качестве местообитаний водоплавающих птиц. 1971. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/waterfowl.shtml (дата обращения: 28.12.2023).

⁵² *Contracting Parties to the Ramsar Convention*. URL: https://www.ramsar.org/sites/default/files/documents/library/annotated_contracting_parties_list_e.pdf (дата обращения: 28.12.2023).

⁵³ *Amazonian Cooperation Treaty Organization*. URL: <http://otca.org/en/> (дата обращения: 28.12.2023).

⁵⁴ *Treaty for Amazonian Cooperation*. 1978. URL: <http://otca.org/en/wp-content/uploads/2021/01/Amazon-Cooperation-Treaty.pdf> (дата обращения: 28.12.2023).

⁵⁵ *United Nations Convention on the Law of the Sea*. URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetailsIII.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXI-6&chapter=21&Temp=mtdsg3&clang=en (дата обращения: 28.12.2023).

⁵⁶ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву. 1982. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 28.12.2023).

⁵⁷ *Parties to the Basel Convention on the Control of Transboundary Movements of Hazardous Wastes and their Disposal*. URL: <http://www.basel.int/Countries/StatusofRatifications/PartiesSignatories/tabid/4499/Default.aspx#enote1> (дата обращения: 28.12.2023).

⁵⁸ *List of Parties*. URL: <https://www.cbd.int/information/parties.shtml> (дата обращения: 28.12.2023).

⁵⁹ Конвенция о биологическом разнообразии. 1992. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml (дата обращения: 28.12.2023).

⁶⁰ ICJ. *Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda)*. Judgment of 19 December 2005. §244.

⁶¹ Sands P. *Op.cit.* P. 246.

⁶² *Convention on the Prevention of Marine Pollution by Dumping of Wastes and Other Matter*. URL: <https://www.ecolex.org/details/convention-on-the-prevention-of-marine-pollution-by-dumping-of-wastes-and-other-matter-tre-000420/participants/> (дата обращения: 28.12.2023).

⁶³ Все государства-члены ООН, Святой Престол, Палестина, о-в Ниуэ и о-ва Кука, Европейский союз.

⁶⁴ ASEAN Legal Instruments. URL: <https://agreement.asean.org/agreement/detail/207.html> (дата обращения: 28.12.2023).

⁶⁵ *ASEAN Agreement on the Conservation of Nature and Natural Resources*. 1985. URL: <http://www2.ecolex.org/server2neu.php/libcat/docs/TRE/Full/En/TRE-000820.txt> (дата обращения: 28.12.2023).

⁶⁶ Солнцев А. М. *Практикум по международному экологическому праву: учебное пособие*. М.: Российский университет дружбы народов. 2011. С. 159.

полагающего, что данное решение подтвердило применимость общего принципа права *sic utere tuo u alienum non laedas* (используй свое имущество таким образом, чтобы не наносить вреда имуществу других) к межгосударственным отношениям по вопросам окружающей среды, а также привело к формированию нового отраслевого принципа⁶⁷. Не менее важным предстает решение Суда по делу о заливе Корфу (*Великобритания против Албании*) 1949 года⁶⁸. Также в качестве примера стоит упомянуть консультативное заключение Суда по вопросу правомерности применения или угрозы применения ядерного оружия 1996 года, в котором сказано, что

существование общего обязательства государств обеспечивать, чтобы их деятельность в пределах своей юрисдикции и контроль над ней проводились с учетом сохранности окружающей среды других государств и районов за пределами его юрисдикции составляют часть международного права по вопросам окружающей среды.⁶⁹

Из вышеизложенного следует, что к принципу недопустимости нанесения трансграничного ущерба окружающей среде, признаваемому мировым сообществом международным обычаем, можно обращаться при системном толковании норм международных договоров, касающихся не только экологических, но и экономических вопросов.

2.1.3. Превентивный принцип

Суть превентивного принципа сводится к позитивной обязанности государств снижать экологический ущерб и предпринимать все возможные меры по предотвращению данного ущерба в пределах своих юрисдикций, что отличает его от двух выше проанализированных принципов⁷⁰. Он закреплен в Принципах 17 и 19 Декларации Рио-де-Жанейро.

Признание данной нормы в качестве международного обычая отмечено в международной судебной практике. Так, Суд в деле *Целлюлозные заводы на реке Уругвай (Аргентина против Уругвая)* 2010 года пришел к соответствующему выводу, дополнительно отметив прямую связь данной нормы с принципом должной осмотрительности (англ.: *due diligence; due care*)⁷¹.

Кроме того, в комментарии 10 к статье 4 Проекта статей о предотвращении трансграничного ущерба от опасных видов деятельности КМП указывает, что принцип должной осмотрительности — «обязательство государства предпринять односторонние меры для предотвращения значительного трансграничного ущерба или в случае любого происшествия минимизировать его риски»⁷². В качестве примеров приводятся разработка и должное исполнение нормативного правового регулирования по вопросам предотвращения значительного трансграничного ущерба или снижение до нуля рисков такого ущерба. Дополнительно КМП выделяет составляющие принципа должной осмотрительности, которые параллельно с этим являются и основой превентивного принципа: (1) должная степень осторожности, соответствующая надлежащему правлению; (2) должным образом функционирующая нормативная правовая система; (3) наличие достаточных ресурсов для поддержания нормального административного аппарата, осуществляющего контроль и мониторинг деятельности, представляющей угрозу⁷³.

Также превентивный принцип определен как международный обычай Международным трибуналом по морскому праву (далее — МТМП) в консультативном заключении 2011 года, в рамках которого трибунал представил разъяснение по вопросу об ответственности и обязательствах государств, поручающихся за ведущую деятельность в Районе физических и юридических лиц. МТМП выделил два вида обязательств, одним из которых было прилагать максимально возможные усилия для обеспечения соблюдения положений, указав на связь между рассматриваемым принципом и принципом должной осмотрительности. При этом МТМП подчеркнул, что обязательство «должной

⁶⁷ Там же. С. 99–100.

⁶⁸ ICJ. *Corfu Channel (United Kingdom v. Albania)*. Judgment of 9 April 1949. P. 22.

⁶⁹ ICJ. *Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons*. Advisory Opinion of 8 July 1996. §29.

⁷⁰ Sands P. *Op. cit.* P. 246.

⁷¹ ICJ. *Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v. Uruguay)*. Judgment of 20 April 2010. §101.

⁷² *International Law Commission. Draft articles on Prevention of Transboundary Harm from Hazardous Activities, with commentaries*. 2001. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_7_2001.pdf (дата обращения: 28.12.2023).

⁷³ Там же.

осмотрительности может изменяться в течение времени и зависит от уровня риска и вида деятельности»⁷⁴.

Из вышесказанного следует, что, являясь международным обычаем, превентивный принцип может использоваться в системном толковании.

2.1.4. Принцип природоохранного сотрудничества

Согласно п. 3 ст. 1 Устава ООН, к основным принципам международного права также относится обязанность государств сотрудничать друг с другом. Согласно Декларации о принципах международного права, сотрудничество государств должно осуществляться

в различных областях международных отношений с целью поддержания международного мира и безопасности и содействия международной экономической стабильности и прогрессу, общему благосостоянию народов и международному сотрудничеству.

Аналогично указанная обязанность закреплена в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года в качестве Принципа IX.

В международном экологическом праве сотрудничество государств закреплено практически во всех международных документах обязательного и декларативного характера⁷⁵, в том числе как Принцип 27 в Декларации Рио-де-Жанейро; в преамбуле и статьях 100, 118, 123, 129, 197, 242–244, 270 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года; в статье 2 Венской конвенции об охране озонового слоя 1985 года; в статье 5 с указанием «насколько это возможно и уместно» КОБР и др. При этом с учетом многогранности экологических вопросов само по себе требование сотрудничать в зависимости от сферы отношений может дополнительно быть реализовано через специальные формы, предусмотренные в соответствующих международных договорах: проведение оценки воздействия на окружающую среду (далее — ОВОС); обмен информацией, в том числе о чрезвычайных ситуациях; консультации и уведомления; контроль применения единых экологических стандартов и т.д.⁷⁶

Если обратиться к судебной практике, то в 2001 году МТМП в решении по делу *о заводе Мокс (Ирландия против Соединенного Королевства)* отметил

обязанность сотрудничать в качестве основополагающего принципа предотвращения загрязнения морской среды согласно не только части XII Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, но и общему международному праву⁷⁷.

Также Суд в решении по делу *Целлюлозные заводы на реке Уругвай (Аргентина против Уругвая)* 2010 года подтвердил, что результаты ОВОС должны быть предоставлены другой стороне для завершения процесса оценки деятельности⁷⁸, а само проведение ОВОС промышленной деятельности, представляющей угрозу нанесения трансграничного ущерба, является «требованием общего международного права»⁷⁹. Таким образом, принцип природоохранного сотрудничества может использоваться в системном толковании как норма международного права.

Резюмируя сказанное в первом разделе данной части статьи, можно констатировать, что при толковании экологических и экономических международных договоров применимы следующие принципы международного экологического права, рассматриваемые согласно пункту 3(с) статьи 31 ВКПМД в качестве норм международного права: (1) принцип суверенитета государств над своими природными ресурсами; (2) принцип недопустимости нанесения трансграничного ущерба окружающей среде; (3) превентивный принцип и (4) принцип природоохранного сотрудничества.

⁷⁴ ITLOS. *Responsibilities and obligations of States sponsoring persons and entities with respect to activities in the Area*. Advisory Opinion of 1 February 2011. P. 74.

⁷⁵ Sands P. *Op. cit.* P. 250.

⁷⁶ *Ibid.* P. 250.

⁷⁷ ITLOS. *The MOX Plant Case (Ireland v. United Kingdom)*. Order of 3 December 2001. §82.

⁷⁸ *Pulp Mills on the River Uruguay*. §119.

⁷⁹ *Ibid.* §204.

2.2. Эффективность применения принципов международного экологического права для системного толкования норм международного экономического права

Оценка эффективности применения принципов международного экологического права для системного толкования норм международного экономического права предполагает обращение к практике ОРС ВТО, Суда и Постоянной палаты третейского суда (далее — ППТС). В настоящей статье ключевым критерием отбора межгосударственных споров выступило не столько использование системного толкования как такового, сколько наличие стоявшего перед международными судебными учреждениями вопроса о «примирении» экономических и экологических интересов, урегулированных разными международными актами договорного и недоговорного характера. Каждое дело анализировалось с точки зрения прямого или косвенного применения системного толкования с целью выявления эффективности данного вида толкования, и, как следствие, определения необходимости обращения к нему в рамках будущей правоприменительной практики и выявления направлений его совершенствования в будущем. Этот фокус обуславливает новизну представленного исследования.

В работе рассмотрены следующие дела, демонстрирующие насущные проблемы коллизии международных экологических и экономических норм: (1) *США — Запрет импорта креветок и продуктов из креветок*; (2) *Габчиково-Надьмарош*; (3) *о целлюлозных заводах на реке Уругвай (Аргентина против Уругвая)*; (4) *по водам Инда Кишенганга (Пакистан против Индии)* и (5) *дело Индонезия — Сырьевые материалы* в рамках ВТО.

2.2.1. ОРС ВТО. Дело о запрете импорта креветок и продуктов из креветок 1998 года

В 1996 году на площадке ОРС ВТО Индия, Малайзия, Пакистан и Таиланд начали консультации с США. По их мнению, введя запрет импорта креветок, США нарушили статью XI Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 года (далее — ГАТТ). Ограничительная мера касалась креветок, при вылове которых использовались сети, куда попадались морские черепахи, что приводило к гибели этих животных. Основным аргументом позиции США была квалификация данной меры в качестве общего исключения по статье XX(g) ГАТТ, согласно которой договаривающиеся стороны могут вводить ограничения, имеющие отношение к сохранению природных ресурсов, которым свойственно истощение, при этом государства должны ограничивать и национальное производство или потребление соответствующих ресурсов. Третейская группа отклонила аргументы США, что стало причиной инициирования апелляционной процедуры со стороны последних.

В докладе Апелляционного органа 1998 года подробно рассматривается вопрос применимости норм международного экологического права к соглашениям ВТО, в частности к ГАТТ. Этому способствовало заявление США о неверном толковании третейской группой статьи XX ГАТТ, базирующемся на изоляции ГАТТ как сугубо торгового соглашения, нивелирующего другие отношения государства и его интересы.

Апелляционный орган прибегнул к системному толкованию дважды. Во-первых, для определения возможности отнесения живых биологических ресурсов к категории «живые природные ресурсы». Во-вторых, чтобы понять, могут ли живые природные ресурсы, на сохранение которых направлена государственная мера, попадать под действие общего исключения статьи XX(g) ГАТТ.

По первому вопросу Апелляционный орган указал, что «исчерпаемость» природных ресурсов и их «возобновляемость», свойственная морским черепахам, не являются взаимно исключающими категориями, потому что живые организмы, по своей природе способные к размножению, в определенных условиях могут стать уязвимыми к истощению, истощению и уничтожению чаще всего вследствие деятельности человека, то есть живые организмы такие же исчерпаемые, как нефть, железная руда и другие неживые ресурсы⁸⁰. Само же понятие «природные ресурсы» не является статичным и должно расширительно толковаться с учетом существующей договорной практики и включать в себя как живые, так и неживые ресурсы. В частности, Апелляционный орган ссылался на статьи 56, 61 и 62 Конвенции по морскому праву 1982 года, КОБР (понятие «биологические ресурсы»), Повестку дня на XXI век (где дается широкое толкование термину «природные ресурсы») и Резолюцию о помощи развивающимся странам, принятую совместно с Конвенцией о сохранении мигрирующих видов диких животных 1979 года (мигрирующие виды закреплены как значительная

⁸⁰ WTO. *United States — Import Prohibition of Certain Shrimp and Shrimp Products*. DS58. Report of the Appellate Body of 12 October 1998. §128.

часть живых природных ресурсов)⁸¹. Кроме того, Апелляционным органом было отмечено, что, поскольку текст ГАТТ был принят более 50 лет назад, выражение «исчерпаемые природные ресурсы» должно толковаться с учетом актуальности вопросов защиты и сохранения окружающей среды⁸².

Во втором случае Апелляционный орган обратился к Приложению I Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения 1973 года (далее — СИТЕС). Оно распространяет свое действие на все виды, которые находятся под угрозой исчезновения, а значит, торговля ими оказывает или может оказать на их представителей негативное влияние. Данное Приложение включает все семь видов морских черепах, в отношении которых была направлена экологическая мера США. Исходя из всего вышеперечисленного, Апелляционный орган пришел к выводу об исчерпаемости данного вида животных⁸³.

Несмотря на то, что морские черепахи являются мигрирующим видом, Апелляционный орган указал на особые обстоятельства рассматриваемого дела и посчитал наличие достаточной связи между указанными мигрирующими и находящимся под угрозой исчезновения морскими популяциями организмов и США для целей статьи XX(g) ГАТТ⁸⁴. Это, в свою очередь, позволило ответчику ввести меры по управлению данными природными ресурсами.

Проанализировав логику рассуждения Апелляционного органа, можно сделать следующие выводы. ОРС ВТО прибегнул к системному толкованию положения международного экономического соглашения, в частности статьи XX(g) ГАТТ, через призму экологических норм, закрепленных в иных международных договорах. Эффективность применения системного толкования подтверждает тот факт, что после вторичного заявления Малайзии относительно невыполнения рекомендаций ОРС ВТО США был найден взаимоприемлемый компромисс. В частности, государство-ответчик изменило законодательство, оставив требование реализовывать «сравнительно эффективную» программу по сохранению морских черепах при вылове креветок без привязки к своим национальным стандартам, тогда как государство-заявитель получило право экспорта при условии соблюдения указанного требования⁸⁵. Важно отметить, что наличие конвенций, предметом регулирования которых являются обозначенные в деле биологические ресурсы, позволило Апелляционному органу применить по существу широко сформулированные экономические термины в контексте положений международных договоров, регулирующих относительно узкие и точечные вопросы международного экологического права. В связи с этим ОРС ВТО не было необходимости обращаться к *принципу суверенитета государств над своими природными ресурсами*. Когда же в практике ОРС ВТО встал вопрос о регулировании отношений вокруг природных ископаемых, не имеющих аналогичного договорного механизма, то данному международному учреждению пришлось обратиться к указанному принципу, который в деле *о сырьевых материалах 2022 года* выявил существующую проблему.

2.2.2. ОРС ВТО. Дело о сырьевых материалах 2022 года

Европейский союз оспаривал две государственные меры Индонезии: запрет экспорта никелевой руды с 2014 года и требование о переработке всего никеля на экспорт в Индонезии (англ.: *the Domestic Processing Requirement*)⁸⁶. Правовым основанием дела послужило нарушение пункта 1 статьи XI ГАТТ, согласно которому сторонам ГАТТ запрещено устанавливать или сохранять запреты или ограничения на экспортно-импортные операции с любыми товарами. Со своей стороны Индонезия заявляла, что упомянутые меры подпадают под исключение пункта 2(a) статьи XI ГАТТ, предусмотренное для предотвращения и снижения риска критического сокращения запасов существенно важных для нее товаров. Такое заявление возлагает на ответчика бремя доказывания факта принятия ограничений как вынужденной меры в условиях, описанных в ГАТТ⁸⁷. В качестве альтернативы Индонезия обратилась к исключению по статье XX(d) ГАТТ: введение меры необходимо «для обеспечения соответствия законам или правилам, не противоречащим положениям» ГАТТ.

Третьей группой использовалась системное толкование на этапе рассмотрения применимости исключения по статье XI ГАТТ к оспариваемым мерам. Она заявила, что Индонезия не смогла доказать, что никелевая руда имеет для нее «существенное значение» (англ.: *essential*), то есть

⁸¹ *Ibid.* §130.

⁸² *Ibid.* §129.

⁸³ *Ibid.* §132.

⁸⁴ *Ibid.* §133.

⁸⁵ Боклан Д. С. *Указ. соч.* С. 313–314.

⁸⁶ WTO. *Indonesia — Measures Relating to Raw Materials*. DS592. Report of the Panel of 30 November 2022. §2.1, 2.2.

⁸⁷ *Ibid.* §7.21.

является «абсолютно незаменимой или необходимой» (англ.: *[a]bsolutely indispensable or necessary*)⁸⁸. Она представила три довода, обосновавших такой вывод. Во-первых, Индонезия еще не запустила производство батарей электромобилей, для которого никелевая руда является исходным сырьем и которое, как планируется, в будущем обеспечит новые рабочие места и создаст источник дохода государственного бюджета. Во-вторых, производство нержавеющей стали в тот момент составляло малую часть экономики Индонезии (среди доказательств была предоставлена информация о низкой доле рабочей силы, задействованной в данном секторе экономики, и о малых поступлениях в государственный бюджет в период 2012–2020 годов). В-третьих, Индонезия не представила доказательств того, что продукты вышеуказанных производств являются важным сырьем для других отраслей промышленности Индонезии⁸⁹.

Следующим элементом теста по статье XI ГАТТ является доказательство наличия «критического недостатка продовольствия или других товаров» (англ.: *critical shortage*). Третьей группой раскрыто содержание данного выражения как «отсутствие необходимого количества, которое является решающим и приводит к ситуации решающего значения, или достигает жизненно важной или решающей стадии, или переломного момента»⁹⁰. Несмотря на то что в практике ОРС ВТО системное толкование в свое время позволило отнести исчерпаемые природные ресурсы к категории товаров, которые могут попадать под соответствующее определение, в этот раз третьей группой не смогла прийти к такому выводу по никелю. Она заключила, что (1) не установлен факт критического недостатка; и (2) в принципе отсутствует возможность восполнения природного ресурса, потому что презюмируется, что мера по статье XI должна приниматься на временной основе.

Важно, что третьей группой высказалась в поддержку использования общих принципов обычного международного права при толковании норм ГАТТ, то есть в данном деле таким обычаем был *принцип постоянного суверенитета над природными ресурсами*. Однако при этом нельзя пренебрегать обязательствами по Марракешскому соглашению 1994 года, ратификация которого является наглядным примером реализации государством своего суверенитета. Такой сбалансированный подход был призван гарантировать гармоничность процесса толкования. Исходя из вышесказанного и необходимости толковать ГАТТ с учетом целей, отраженных в преамбуле Марракешского соглашения 1994 года, в том числе связанных с устойчивым развитием, третьей группой пришла к выводу, что пункт 2(а) статьи XI ГАТТ распространяется на исчерпаемые природные ресурсы⁹¹, но при этом критическая нехватка исчерпаемого природного ресурса не может заключаться лишь в том, что при обычных рыночных условиях предложение не может удовлетворить спрос в настоящее время или по прогнозам на будущее, как в случае с никелем в рассматриваемом деле⁹².

Таким образом, можно предположить, что проблема применения *принципа суверенитета над природными ресурсами* к международным экономическим нормам сводится к выявлению того момента, когда «природные ресурсы» переходят в категорию «товаров», а значит, все государственные меры, направленные на них в данном качестве, начинают попадать в сферу «права» ВТО. Данную концепцию можно сравнить с морским правом. Так, согласно пункту 2 статьи 137 Конвенции по морскому праву 1982 года ресурсы Района не подлежат отчуждению, но при этом «полезные ископаемые, добываемые в Районе, могут быть отчуждены».

Параллельно с этим статья 133 данного международного договора следующим образом раскрывает термины:

«ресурсы» означают все твердые, жидкие или газообразные минеральные ресурсы, включая полиметаллические конкреции, *in situ* в Районе на морском дне или в его недрах; ресурсы, когда они извлечены из Района, рассматриваются как «полезные ископаемые».

Из практики разрешения торговых споров до учреждения ВТО стоит обратиться к делу *Канада — Сельдь и лосось* от 1988 года. Тогда третьей группой пришла к выводу, что нормы ГАТТ 1947 года не распространяются на меры, ограничивающие вылов рыбы (англ.: *upstream measures*), но охватывают лишь меры, которые вводят ограничения на экспорт рыбы после ее вылова⁹³. Иными словами, право

⁸⁸ *Ibid.* §7.93.

⁸⁹ *Ibid.* §7.101.

⁹⁰ Англ.: *those deficiencies in quantity that are crucial, that amount to a situation of decisive importance, or that reach a vitally important or decisive stage, or a turning point.*

⁹¹ *Indonesia – Measures Relating to Raw Materials.* §7.137.

⁹² *Ibid.* §7.138.

⁹³ WTO. *Canada — Measures Affecting Exports of Unprocessed Herring and Salmon.* Report of the Panel of 22 March 1988. § 4.3.

ВТО становится применимым только после того, как природный ресурс прошел через производственный процесс и был переработан в товар, готовый к обмену и торговле. Если это право и распространяется на стадию, предшествующую производственному процессу, то только в той степени, в какой это необходимо для того, чтобы меры, принимаемые в рамках нее, не влияли на конкурентные отношения на рынке между товарами, полученными в результате производственного процесса⁹⁴.

Можно сделать вывод, что для возможного урегулирования проблемы соотношения *принципа суверенитета над природными ресурсами* и принципа свободной торговли через системное толкование, как представляется, верным шагом для ОРС ВТО было бы провести четкую границу действия государственной меры: касается ли она «восходящих мер» (англ.: *upstream measures*), а значит, выходит за рамки регулирования ВТО, или же «нисходящих мер» (англ.: *downstream measures*), что подпадает под «право» ВТО и может быть подвергнуто оценке ОРС ВТО на предмет допустимости квалификации государственной меры в качестве исключения. При этом самим государствам необходимо учитывать данную проблему и выявлять одно из возможных решений из нее при разработке национального законодательства по вопросам природопользования. Другим возможным вариантом является создание договорного инструмента регулирования добычи природных ресурсов, который бы конкретизировал подходы к добыче и последующей реализации полезных ископаемых.

2.2.3. Международный Суд. Дело, касающееся проекта «Габчико-Надьмарош» (Венгрия против Словакии), 1997 года

В сентябре 1977 года Венгрия и Чехословакия подписали Договор о строительстве и эксплуатации плотинной системы Габчико-Надьмарош, вступивший в силу в июне 1978 года (далее — Договор). Предметом Договора являлось совместное использование Венгрией и Чехословакией двухсоткилометрового участка реки Дунай. Согласно статье 1 Договора, ключевые части проекта — система шлюзов Габчико (территория Чехословакии) и Надьмарош (территория Венгрии), которые должны были составить «единую и неделимую систему работ». Однако в мае 1989 года ввиду критики со стороны общественности Венгрия приостановила работы над проектом Надьмарош, полностью прекратив их в октябре 1989 года. Были инициированы переговоры, во время которых Чехословакия предложила альтернативные решения, одним из которых выступал «Вариант С». Он закреплял перенос русла Дуная Чехословакией на свою территорию. В мае 1992 года после безуспешных переговоров Венгрия передала вербальную ноту Чехословакии о прекращении действия Договора. Тогда как в ноябре 1992 года Чехословакия начала эксплуатацию дамбы в рамках проекта «Варианта С». Это послужило причиной передачи спора в Суд (юрисдикция на основе специального соглашения 1993 года)⁹⁵.

Стороны обратились к Суду с тремя вопросами, последний из которых касался юридических последствий уведомления в сентябре 1992 года о прекращении действия Договора, направленного Венгрией. Постановив, что Договор все еще в силе, Суд перешел к оценке дальнейших действий сторон относительно проекта дамбы, вынеся решение о необходимости пересмотреть экологические последствия эксплуатации гидроэлектростанции Габчико. По мнению Суда, толкование статей 15 и 19 Договора о совместном плане строительства, предусмотренном для обеспечения адекватного качества воды в реке Дунай и соблюдения обязательств по защите природы, должно проводиться в контексте современных экологических норм и стандартов, чтобы «примирить между собой экономическое развитие и защиту окружающей среды, как это определено в концепции устойчивого развития». Суд отметил, что

в области охраны окружающей среды необходимо проявлять бдительность и применять превентивные меры ввиду зачастую необратимого характера ущерба, наносимого окружающей среде, и ограниченного характера самого механизма возмещения такого рода ущерба⁹⁶.

При этом судебный орган побудил государства вести последующие переговоры таким образом, чтобы они имели всеобъемлющий характер, в том числе учитывали существующие нормы

⁹⁴ Desta M. *To what extent are WTO rules relevant to trade in natural resources?* URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/wtr10_forum_e/wtr10_desta_e.htm (дата обращения: 28.12.2023).

⁹⁵ ICJ. *Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia)*. Judgment of 25 September 1997.

⁹⁶ *Ibid.* §140.

международного экологического права и принципы управления международными трансграничными водотоками⁹⁷.

Из вышесказанного следует, что Суд фактически использовал системное толкование международного экономического акта, раскрыв смысл статей 15 и 19 Договора через формулировки, по своему смысловому содержанию напрямую отражающие суть *превентивного принципа* и *принципа природоохранного сотрудничества*. Эффективность применения подхода системного толкования выражается в том, что он позволил учесть актуальную на момент вынесения решения экологическую повестку при урегулировании вопроса дальнейшего управления проектом по строительству дамбы.

2.2.4. Международный Суд. Дело о целлюлозных заводах на реке Уругвай (Аргентина против Уругвая) 2010 года

В мае 2006 года началось дело Аргентины против Уругвая по вопросу нарушения последним обязательств по двустороннему Статуту реки Уругвай 1975 года (*далее* — Статут), принятому для раскрытия термина «режим использования реки», используемого в статье 7 Соглашения о государственной речной границе между Аргентиной и Уругваем 1961 года⁹⁸. Государство-ответчик предоставило разрешение на строительство и дальнейшую эксплуатацию двух целлюлозных заводов на реке Уругвай. В свою очередь, государство-заявитель утверждало, что такая деятельность окажет негативное влияние на качество воды и прибрежных зон⁹⁹. В своем заявлении Аргентина отметила:

Статут реки Уругвай 1975 года должен толковаться в свете принципов, регулирующих право международных водотоков, и принципов международного права, обеспечивающих охрану окружающей среды... В этой связи Аргентина ссылается на принцип справедливого, разумного и не причиняющего вреда использования международных водотоков, принцип устойчивого развития, принципы предотвращения и предосторожности, а также принцип необходимости проведения оценки воздействия на окружающую среду.

Аргентина использовала перечисленные принципы исходя из динамичного толкования международных договоров. Она отметила, что эти нормы ни заменяют, ни ограничивают охват Статута¹⁰⁰. Учитывая статьи 1¹⁰¹ и 41(а)¹⁰² Статута, в своем заявлении Аргентина ссылалась на следующие международные договоры: СИТЕС, Рамсарскую конвенцию, КОБР, Стокгольмскую конвенцию о стойких органических загрязнителях 2001 года¹⁰³.

Вывод Суда о том, что статья 41 Статута не является отсылочной нормой (англ.: *referral clause*), следовательно, Суд не имел юрисдикции на определение, соответствуют ли действия государства-ответчика обязательствам по международным актам, перечисленным Аргентиной¹⁰⁴, не помешал Суду использовать актуальные нормы международного права для целей толкования¹⁰⁵.

В рамках процесса Суду необходимо было определить, обязаны ли государства — стороны Статута по статьям 7–12 Статута информировать Административную комиссию по реке Уругвай (*далее* — Административная комиссия), созданную рассматриваемым международным договором, об изъятии и использовании воды реки Уругвай для промышленных целей одним из планируемых к строительству заводов. Ответчик занимал позицию, согласно которой перечисленные виды деятельности являются неотъемлемой частью всего проекта строительства завода, а так как Статут не требует предоставления информации о каждом этапе запланированных работ, то в направлении информации об указанных первых этапах нет необходимости¹⁰⁶. Однако при толковании

⁹⁷ *Ibid.* §141.

⁹⁸ *Ibid.* §26–27.

⁹⁹ *Pulp Mills on the River Uruguay.* §51.

¹⁰⁰ *Ibid.* §55.

¹⁰¹ Стороны приняли Статут «в целях создания единого механизма, необходимого для оптимального и рационального использования реки Уругвай, при строгом соблюдении прав и обязанностей, вытекающих из международных договоров и других международных соглашений, действующих для каждой из сторон».

¹⁰² «Без учета функций, возложенных на Комиссию в этом отношении, стороны обязуются:

(а) защищать и сохранять водную среду и, в частности, предотвращать ее загрязнение путем установления подходящих правил и [принятия соответствующих] мер в соответствии с применяемыми международными соглашениями и, в соответствующих случаях, с учетом руководящих принципов и рекомендаций международных технических органов».

¹⁰³ *Pulp Mills on the River Uruguay.* §56.

¹⁰⁴ *Ibid.* §63.

¹⁰⁵ *Ibid.* §66.

¹⁰⁶ *Ibid.* §97.

статей 7–12 Статута Суд напрямую сослался на *превентивный принцип* как норму обычного права, который, в свою очередь, вытекает из принципа должной осмотрительности. Также он процитировал дело *о проливе Корфу* 1949 года, в котором было отмечено, что «обязанностью каждого государства является не позволять использовать свою территорию для осуществления деятельности, нарушающей права других государств», то есть Суд дополнительно использовал *принцип предотвращения трансграничного ущерба*, признанный частью международного экологического права¹⁰⁷. Суд посчитал, что государство, планирующее попадающую под статью 7 Статута деятельность, должно сообщать о ней Административной комиссии, как только в его распоряжение поступит план. Данная процедура должна осуществляться на этапе, когда степень разработки упомянутого плана позволяет Административной комиссии предварительно оценить планируемую деятельность с точки зрения нанесения значительного ущерба предлагаемыми работами другому государству¹⁰⁸.

Таким образом, не сделав вышеуказанное, Уругвай нарушил обязательство по статье 7 Статута 1975 года¹⁰⁹. Дополнительно было отмечено, что информация по одному из заводов была передана Аргентине в период с августа 2005 года по январь 2006 года, в то время как первоначальное экологическое разрешение на строительство данного завода было выдано уже 14 февраля 2005 года. Несмотря на то, что Уругвай не должен был до уведомления другой стороны по Статуту 1975 года выдавать первоначальные экологические разрешения и разрешения на строительство на основании ОВОС, Суд пришел к выводу, что тем самым Уругвай отдал приоритет собственному законодательству перед своими процедурными обязательствами по Статуту 1975 года, а значит, пренебрег устоявшимся международным обычаем, отраженным в статье 27 ВКПМД.

Можно сделать вывод, что использование системного толкования, выраженного в прямом применении двух отраслевых принципов — *принципа недопустимости нанесения трансграничного ущерба окружающей среде* и *превентивного принципа* — способствовало разрешению процедурных вопросов сотрудничества двух государств в отношении трансграничного водотока для обеспечения эффективного построения международных отношений, гарантирующих баланс экологических и экономических интересов. Данный пример наглядно показывает эффективность использования системного толкования.

2.2.5. ППТС. Дело по водам Инда Кишенганга (Пакистан против Индии) 2013 года

Арбитраж был создан в соответствии с Договором о водах Инда, подписанным в 1960 году правительствами Республики Индия и Исламской Республики Пакистан и вступившим в силу в январе 1961 года. Дополнительно он был подписан Международным банком реконструкции и развития в отношении роли Всемирного банка по некоторым положениям Договора о водах Инда.

Дело было инициировано Пакистаном в 2010 году после того, как не получилось посредством переговоров урегулировать конфликт в отношении проекта гидроэлектростанции Кишенганг в Индии. В своем запросе Пакистан поставил два вопроса перед международным судебным органом: (1) нарушает ли Индия обязательства двустороннего Договора о водах Инда в отношении обеспечения свободного движения на западных реках и невмешательства в эти воды, а также касательно поддержания уровня вод в естественных каналах, в случае отвода вод реки Кишенганга в другой приток для реализации проекта гидроэлектростанции; и (2) правомочна ли Индия, согласно упомянутому Договору, истощать или снижать уровень воды в водохранилище речной станции ниже определенного уровня, за исключением непредвиденных чрезвычайных ситуаций. В 2011 году арбитраж вынес единогласное решение о предварительных мерах в ответ на запрос Пакистана. В 2013 году было выпущено частичное решение, урегулировавшее ряд вопросов и потребовавшее от каждой из сторон спора дополнительной экспертной информации, за которым последовало финальное решение арбитража.

Первый вопрос, поставленный перед арбитрами, имел отношение, в том числе, к определению минимального стока. Оно должно было быть таким, чтобы, с одной стороны, снизить негативные последствия для сельскохозяйственной и гидроэнергетической деятельности на территории Пакистана в течение всего периода эксплуатации планируемой гидроэлектростанции на территории

¹⁰⁷ *Ibid.* §101.

¹⁰⁸ *Ibid.* §105.

¹⁰⁹ *Ibid.* §111.

Индии, а с другой стороны, гарантировать Индии право на эксплуатацию станции. Арбитраж указал, что ответ на данный вопрос должен соответствовать требованиям обычного международного права по *предотвращению или смягчению трансграничного вреда* и способствовать примирению экономического развития с защитой окружающей среды¹¹⁰, то есть в данном случае можно констатировать факт применения системного толкования посредством обращения к международному обычаю, представленному в виде вышеупомянутого принципа. Неразрывная связь между удовлетворением экономических потребностей государств и обеспечением экологической безопасности, которая напрямую отражается на толковании Договора о водах Инда, была дополнительно отмечена ППТС. Она призвала стороны учитывать экологические факторы при реализации проектов, в том числе будущей гидроэлектростанции Нилум-Джелум в Пакистане, таким образом, чтобы это не усугубляло проблему острой нужды в электроэнергии. Тем самым арбитраж еще раз отметил, что определение минимального допустимого стока будет основываться, с одной стороны, на осведомленности о критической важности электричества как для Индии, так и для Пакистана, а с другой стороны, на учете экологических последствий¹¹¹.

При определении допустимого минимального уровня речного стока арбитраж руководствовался необходимостью обеспечения баланса между экономическими правами, вытекающими из договора между Пакистаном и Индией, и международными обычаями в международном экологическом праве. Пункт 29 Приложения G Договора о водах Инда закрепляет, что международное обычное право может использоваться для толкования или применения упомянутого соглашения только в той мере, в которой это необходимо для названной цели. Таким образом, закреплялся запрет отдавать предпочтение экологическим интересам в ущерб другим правам и обязанностям по Договору о водах Инда, в частности праву Индии отводить воды притока реки Джелум. В противном случае применение международного обычного права не для ограничения, а для отрицания прямо предусмотренных договорных прав будет рассматриваться уже не как «толкование или применение» Договора, а как подмена его положений обычным правом¹¹².

Можно заключить, что системное толкование, основанное на прямом применении принципа *предотвращения трансграничного ущерба*, позволило эффективным образом урегулировать межгосударственный спор.

Заключение

По итогам исследования можно сделать следующие выводы. В первую очередь, системное толкование — добросовестно реализуемый процесс, закрепленный в пункте 3(с) статьи 31 ВКПМД и направленный на поддержание согласованного развития норм международного права. По существу, это использование тех норм международного права (договорных и обычных нормы, общих принципов права), которые имеют обязательную силу для сторон спора и являются актуальными в свете предмета толкуемого международного договора. С практической точки зрения системное толкование не ограничено обращением к принципу интертемпоральности, который изначально был отражен в одном из первых проектов ВКПМД.

Одним из инструментов системного толкования является международный обычай. В исследовании показано, что в таком качестве могут использоваться и отраслевые принципы международного экологического права, чему способствовало их неоднократное закрепление в международных актах и признание их в качестве международного обычая международными судебными учреждениями. Следовательно, принцип суверенитета государств над своими природными ресурсами, принцип недопустимости нанесения трансграничного ущерба окружающей среде, превентивный принцип и принцип природоохранного сотрудничества, признанные в качестве норм международного права, могут использоваться государствами и международными судебными учреждениями при толковании международных договоров.

Для определения эффективности системного толкования с этой точки зрения были проанализированы решения, вынесенные по пяти делам ОПС ВТО, Судом и арбитражем, в рамках которых возникала проблема столкновения регулирования межгосударственных экономических и экологических отношений.

¹¹⁰ PCA. *The Indus Waters Kishenganga Arbitration (Pakistan v. India)*. Final Award of 20 December 2013. §87.

¹¹¹ *The Indus Waters Kishenganga Arbitration*. §101.

¹¹² *Ibid.* §112.

В деле о запрете импорта креветок и продуктов из креветок 1998 года использование норм международных экологических договоров позволило при толковании статьи XX(g) ГАТТ учесть интересы государства в части регулирования вопросов сокращения биоразнообразия мигрирующих видов черепах. В данном случае обращение к принципу суверенитета государств над своими природными ресурсами не было необходимым, в то время как при повторном обращении ОРС ВТО к нему баланса между экономическими и экологическими интересами найдено не было. Дело о сырьевых материалах 2022 года подсветило проблему применения принципа суверенитета над природными ресурсами к международным экономическим нормам, заключающуюся в определении того момента, когда «природные ресурсы» переходят в категорию «товаров», а значит, все государственные меры, направленные на них в данном качестве, начинают попадать в сферу «права» ВТО. В качестве потенциального разрешения сложившейся правовой ситуации могли бы стать разъяснения ОРС ВТО о границах действия государственной меры: регулирует ли она «восходящие меры» (вне компетенции ОРС ВТО), или же «нисходящие меры» (попадают под компетенцию ОРС ВТО). При этом самим государствам необходимо учитывать данную проблему при разработке национального законодательства по вопросам природопользования. Возможным решением также может быть проработка договорных инструментов регулирования добычи и реализации полезных ископаемых.

Если обратиться к превентивному принципу и принципу природоохранного сотрудничества, то Судом они субстантивно (без явной ссылки на них) применялись при толковании положений Договора о строительстве и эксплуатации плотинной системы Габчиково-Надьмарош в рамках дела, касающегося проекта «Габчиково-Надьмарош» (Венгрия против Словакии) 1997 года.

Также обращение к превентивному принципу вместе с принципом недопустимости нанесения трансграничного ущерба окружающей среде позволило Суду в деле о целлюлозных заводах на реке Уругвай (Аргентина против Уругвая) 2010 года разрешить разногласия о необходимости заблаговременного уведомления Административной комиссии. Это внесло вклад во взаимоприемлемое развитие сотрудничества двух государств по вопросу предотвращения ухудшения качества трансграничного водотока.

Было выявлено, что в деле по водам Инда Кишенганга (Пакистан против Индии) 2013 года при определении допустимого минимального уровня речного стока арбитры руководствовались принципом предотвращения трансграничного ущерба, чтобы найти баланс между экономическими правами, вытекающими из договора между Пакистаном и Индией, и международными обычаями, связанными с экологическими вопросами.

APPLICATION OF SECTORIAL PRINCIPLES OF INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW FOR SYSTEMIC INTERPRETATION OF NORMS OF ECONOMIC AND ENVIRONMENTAL TREATIES

ABATUROVA V.

Varvara Abaturova — attaché, Ministry for Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia (vaabaturova@mid.ru).
ORCID: 0009-0001-5575-4315.

Abstract

Recently, there has been a dynamic growth in the conclusion of international treaties regulating international environmental and economic relations. For example, the practice of the UN International Court of Justice, the WTO Dispute Settlement Body, and the International Tribunal for the Law of the Sea is clear evidence that cases involving environmental issues have been linked in one way or another to international economic relations. This fact confirms the interconnectedness of economic and environmental state interests. Thus, it becomes infeasible to settle disputes without taking these groups into account. It is worth noting that it is systematic interpretation that can be considered as one of the legal mechanisms for translating the concept of sustainable development into action. Proceeding from the ideological content of systemic integration, the author of the present article, on the basis of doctrinal research and practice of international judicial institutions, analyses four sectorial principles of international environmental law for the effectiveness of their use in the framework of systematic interpretation in five interstate proceedings, because despite their sectorial nature, they have formed into international custom. Thus, these environmental principles are a norm within the meaning of article 31, paragraph 3 (c), of the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties, which in its turn may be applicable to the interpretation of, inter alia, international treaties governing international economic relations.

Keywords

systemic interpretation, international environmental treaties, international economic treaties, sectorial principles of international environmental law, international customs

Citation: Abaturova V. Primenenie otraslevykh printsipov mezhdunarodnogo ékologicheskogo prava dlya sistemnogo tolkovaniya norm ékonomicheskikh i ékologicheskikh soglasheniy [Application of Sectorial Principles of International Environmental Law for Systemic Interpretation of Norms of Economic and Environmental Treaties]. Zhurnal VSHÉ po mezhdunarodnomu pravu (HSE University Journal of International Law). 2024. Vol. 2. No. 1. P. 38–57 (In Russian).

<https://doi.org/10.17323/jil.2024.21445>

References / Список источников

Boklan D. S. (2016) Vzaimodejstvie mezhdunarodnogo ékologicheskogo i mezhdunarodnogo ékonomicheskogo prava: dis ... dok. jur. nauk [Interconnection of international environmental and international economic law: dissertation ... PhD]. Available at: <https://mgimo.ru/science/diss/boklan-ts.php> (accessed: 28.12.2023). (In Russian).

Brinchuk M. M. (2014) Kontseptsiya ustoychivoogo razvitiya kak metodologicheskaya osnova tsivilizatsionnogo razvitiya [Conception of sustainable development as a methodological basis of the civilized development]. Gosudarstvo i pravo, no. 10, pp. 15–24. (In Russian).

Danilov-Danil'yan V. I., Losev K. S., Reyf I. E. (2005) Pered glavnyim vyzovom tsivilizatsii. Vzglyad iz Rossii [In front of the major challenge of the civilization. View from the Russian side]. Moscow: Infra-M. (In Russian).

Dörr O., Schmalenbach K. (2012) Vienna Convention on the Law of Treaties. A Commentary. Berlin: Springer Nature.

Fitzmaurice G. (1951) The Law and Procedure of the International Court of Justice: Questions of Jurisdiction, Competence and Procedure. Cambridge: Grotius Publications.

International Law Commission. (2006) Doklad Komissii mezhdunarodnogo prava Generalnoy Assamblee o rabote ee pyatdesyat vos'moy sessii [Report on the work of the fifty-eighth session] A/CN.4/SER.A/2006/Add. Available at: <https://legal.un.org/ilc/reports/2006/> (accessed: 28.12.2023).

Kopylov M. N., Kopylov S. M. (2014) K voprosu o formirovanii kataloga special'nykh principov mezhdunarodnogo ékologicheskogo prava [On the Formation of the Catalogue of Special Principles of International Environmental Law]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, vol. 25, no. 4, pp. 8–18. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-formirovanii-kataloga-spetsialnykh-principov-mezhdunarodnogo-ekologicheskogo-prava/viewer> (accessed: 28.12.2023). (In Russian).

Laporta F. J., Peczenik A., Schauer F. (2007) On the Interpretation of Treaties. The Modern International Law as Expressed in the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties. Law and Philosophy Library; Netherlands: Springer.

Lukashuk I. I. (2007) Sovremennoe pravo mezhdunarodnykh dogovorov. Tom 1. [Contemporaneous International Law of Treaties. Volume 1]. Moscow: Wolters Kluwer Publisher. (In Russian).

Lukashuk I. I. (2008) Mezhdunarodnoe pravo. Obshchaya chast' [International law. General part]. Moscow. (In Russian).

McLachlan C. (2005) The Principle of Systemic Integration and Article 31(3)(C) of the Vienna Convention. The International and Comparative Law Quarterly, vol. 54. Available at: <http://www.jstor.org/stable/3663251> (accessed: 28.12.2023).

McLachlan C. (2005) The Principle of Systemic Integration and Article 31(3)(C) of the Vienna Convention. The International and Comparative Law Quarterly, vol. 54. Available at: <http://www.jstor.org/stable/3663251> (accessed: 24.07.2023).

Report of the Study Group of the International Law Commission. (2006) Fragmentatsiya mezhdunarodnogo prava: trudnosti, obuslovlennyye diversifikatsiyey i rasshireniem sfery ohvata mezhdunarodnogo prava [Fragmentation of International Law: Difficulties Arising from the Diversification and Expansion of International Law]. Available at: <https://legal.un.org/ilc/reports/2006/russian/chp12.pdf> (accessed: 28.12.2023). (In Russian).

- Sands P., Peel J., Fabra A.A., MacKenzie R. (2018) *Principles of International Environmental Law*. New York: Cambridge University Press.
- Schrijver N. (1997) *Sovereignty over Natural Resources, Balancing Rights and Duties*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Solntsev A. M. (2011) *Praktikum po mezhdunarodnomu ekologicheskomu pravu : uchebnoe posobie* [Case study on international environmental law : training manual]. Moscow: Rossijskij universitet druzhby narodov. (In Russian).
- Villiger M. E. (2009) *Commentary on the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties*. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers and VSP.
- Vylegzhanin A. N. (ed.) (2023) *Mezhdunarodnoe pravo v 2 ch. Chast' 1: uchebnik dlya vuzov* [International Law in 2 parts. Part 1: textbook for universities]. Moscow: Yurait Publisher. (In Russian).
- Vylegzhanin A. N. (ed.) (2023) *Mezhdunarodnoe pravo v 2 ch. Chast' 2: uchebnik dlya vuzov* [International Law in 2 parts. Part 2: textbook for universities]. Moscow: Yurait Publisher. (In Russian).
- Vylegzhanin A. N., Kalamkaryan R. A. (2012) *Znachenie mezhdunarodnogo obyčaya v sovremennom mezhdunarodnom prave* [The Role of International Custom in the Contemporary International Law]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava*, no. 2, pp. 5–29. Available at: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2012-2-5-29> (accessed: 28.12.2023). (In Russian).
- Yearbook of the International Law Commission. (2018) *Draft conclusions on subsequent agreements and subsequent practice in relation to the interpretation of treaties, with commentaries*. Vol. II. Available at: https://legal.un.org/ilc/texts/1_11.shtml (accessed: 30.03.2024).